

**ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
РОССИЙСКИХ ПЕРЕСТРОЕК:
ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ XXI ВЕКА
Personality and human rights as the central problem of Russian restructuring:
the formation of a new cultural practice of the XXI century**

Некрасов С. Н., доктор философских наук

Аннотация

В статье рассматриваются личность и права человека как центральная проблематика российских перестроек, Все перестройки в XX веке в России-СССР-России строились на идеологии личности и прав человека, которая представляет собой применение принципов западной индивидуалистической философии к правовой системе буржуазного общества. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку, которая методологически и понятийно адекватна нашему социуму и нашему типу личности, а не вталкивает его в прокрустово ложе западных или восточных традиционалистских схем. Аналогичным образом нужны «свои» обществоведения, а точнее - социальные системологии для каждой крупной исторической системы.

Ключевые слова: личность, права человека, перестройка, история России, культурная практика, общество, идеология.

Abstract

The article discusses identity and human rights as Central issues of Russian rearrangements, All the restructuring in the twentieth century in Russia-USSR-Russia was based on the ideology of the individual and human rights, which represents the application of the principles of Western individualistic philosophy to the legal system of the bourgeois society. Facing us is the need to create a real social science, which methodologically and conceptually adequate to our society and our personality, not pushes it into the Procrustean bed of Western or Eastern traditionalist schemes. Similarly needed "their" social science - or rather, social systemology for each major historical system.

Keywords: personality, human rights, perestroika, and Russian history, cultural practices, society and ideology.

1. Все перестройки в XX веке в России-СССР-России строились на идеологии личности и прав человека, которая представляет собой применение принципов западной индивидуалистической философии к правовой системе буржуазного общества. Более того, абсолютизация идеологии прав человека и общекультурный интерес к приоритету роли личности в социальном процессе с самой простой евразийской точки зрения будет сопровождать глобализацию либерального порядка и мондиализацию мира под эгидой атлантизма. Поэтому, всякий раз, когда в обществе начинается волна рассуждений на тему прав человека и роли личности при полном забвении социальных интересов, ждите перестройку как контркультурную разрушительную практику. Если попросить офицера провести перестройку подразделения, то естественным будет вопрос - как перестроиться, сколько в ряд и в какую сторону двигаться? Речь, следовательно, должна идти об упорядочении целого, о решении вопросов существования и взаимодействия народов, классов, наций в обществе – только в рамках этих процедур успешной может быть постановка вопроса о личности, ее правах и интересах. Ответом на агрессию глобализации либерализма и мондиализацию мира может быть выстраивание полностью на-

учного мышления как нарративного дискурса русского народа в рамках культурной практики «дружбы народов» и имперской структуры евразийского сообщества и шире ноосферного сообщества человечества. Носителем такого спасительного культурологического дискурса объективно оказывается ряд левых партий и правых движений, смыкающихся в ходе выстраивания научной идеологии в единое синтетическое эпистемологическое поле. Известно, что программа КПРФ, равно как и докторская диссертация Г.А. Зюганова пронизаны идеями евразийской геополитики и наоборот идеи Евразийского движения оплодотворены левыми эгалитаристскими интенциями. Достаточно посмотреть сайты евразийского движения, открыть архив газеты духовной оппозиции «Завтра», и мы увидим переплетение левого и правого векторов духовной жизни. Это переплетение создает условия для строго научно-выверенного определения социальной динамики - не перестройки и распада социальной ткани, отказа от культурной традиции, но конструктивной революции - национальной, социальной и культурной. Поэтому научная идеология культурологического дискурса трансформируемого социума отвергает ведущий к перестройкам и глобализационной оккупации мифологический дискурс личности, либеральные теории человека и его прав. Она выдвигает в результате выявления этнической идентичности русских в качестве синтетического этноса необходимость культурной революции, выстраивающей строго научно новые тренды континентальной специфики России, национального мессианства, государствообразующего значения армии в русской истории, евразийского производства и промышленной модернизации, неоиндустриальной модернизации без вестернизации, византийского «аграрного социализма».

К сожалению, евразийская идеология в начале XXI века еще не породила представление об отказе от сугубо мифологического западнического деления исторического процесса (по А. Тоффлеру) на три волны - аграрного, индустриального и постиндустриального общества. Отказ от марксистского понимания категории Общественно-экономической формации, забвение «пятичленки» как онтологической схемы материалистического понимания истории, отвергнутой опытом XX века, привело неоевразийство к мифологеме постиндустриализма как цели исторического процесса, в конечном счете, понятом как «конец истории». На самом деле нам еще только предстоит синтезировать модели Общественно-экономической формации и Цивилизации, результатом чего может стать научное культурологическое представление о неоиндустриальном векторе развития России. Это представление, овладев сознанием народа, может стать спасительной внутренней силой масс, позволяющей выйти из тупика безыдейного существования в информационном обществе консьюмеристской цивилизации.

Евразийское мышление пока мифологически понимает мессианскую природу нашего народа как продукт загадочной жизни через тысячелетия преимущественно славянского индоевропейского народа со значительным элементом тюркских и угорских этнических и культурных черт. Пока известно, что фактический синтез белой и желтой рас не оставляет оснований для шовинизма и узкого национализма, но открывает путь к объединяющей имперской, евразийской психологии и культуре. В этой культуре проблема личности и прав человека – не главная. Но ведь о том же и совершенно не по-евразийски, а с точки зрения научной и классовой идеологии писал К. Маркс. Очевидно, что синтез классового западного научного и синтетического евразийского подходов позволяет получить перспективную интеграционную культурологическую модель для общественного сознания русского народа. Эта научная модель носит не мистически-потусторонний мессианский характер и задает не религиозно-бессильный протестный консервативно-реакционный вектор социокультурной динамики вспять, но прямо указывает на прогрессивное освоение объединенным человечеством

природными силами, господство над собственными социальными отношениями. Это и есть интегральная культурная практика начинающейся подлинной истории человечества!

2. Донаучное идеалистическое мышление представляло себе общество, в котором вектор изменения задавался идеалами великой личности. Соответственно, идеология Просвещения активно рассуждала на тему о «роли личности в истории», имея в виду великую личность, стоящую над обществом. Такой дискурс, подвергнутый критике в марксовых «Тезисах о Фейербахе», сохраняется и сегодня в более простой форме идеалистического, психоаналитического, биополитического представления истории, когда любые социальные процессы выводятся из воли и сознания людей. Правда, деградация социальной философии до уровня социологических теорий среднего уровня и соответствующих эмпирических социологических исследований привела к упрощенному представлению об обыденности и повседневности человеческой жизни, из которой и исходят импульсы социокультурной динамики. В результате, мы под видом культурных практик и их штудий повсеместно наблюдаем антинаучные и квазикультурологические постмодернистские исследования - культуры повседневности, габитуса, габитус-китча - в широком диапазоне от изучения истории великого продуктового обмена в исторической школе «Анналов» до упрощенных работ по социологии моды. Таковы истории мужского берета, сигары, анализ возникновения моды на грубошерстное пальто. Сознание и ничего кроме иллюзий сознания не скрывается за этими все еще донаучными мифологизированными штудиями. Здесь больше постмодернистского глумления над реальной культурой: подобно тому, как на Пятой Московской биеннале современного искусства в октябре 2013 г. мы видим свалку кирпичей, сетки с шарами, слышим читаемые западным студентам спецкурсы о культуре техники безопасности в СССР, о женском нижнем белье времен сталинизма. Ив Монтан в 60 гг. после поездки в Москву привез и продемонстрировал в Париже грубое и неуклюжее, но практичное белье советских женщин. К науке и реальной культурной политике перечисленные феномены отношения не имеют. Биеннале дословно означает «раз в два года» и носила название «Больше света», которое имеет «множество интерпретаций — практических и философских, материальных и нематериальных, физических и духовных». А. Касмынин пишет: «Центральным экспонатом пятой Московской биеннале современного искусства, на мой взгляд, являлась совместная работа китайцев Жяо Синьюана и Сонг Донга под названием "Не выбрасывай". По сути, это огромная, структурированная коллекция старых вещей, в течение нескольких десятилетий заполнявших дом матери художника, которая, в итоге, рассталась с ними, попутно приняв участие в создании всего проекта. Здесь были цветочные горшки и непонятные китайские лекарства: сушёные корешки в баночках, коробочки с портретами местных "целителей", старые блистеры с таблетками. А рядом разложены пластмассовые тазы, выцветшие на солнце, потрескавшиеся, но заклеенные изолентой. Тут и картонные подарочные пакеты, которых около сотни, тут и пластиковые крышки от бутылок, корзинки, тарелки, кастрюли, кусочки кафельной мозаики, сами пластиковые бутылки, вязанки старых журналов с иероглифами, ряды стаканчиков из-под йогуртов. Бытовая утварь: молотки, щипцы, ножницы, много-много килограммов ржавых гвоздей и шурупов. Шкафы, забитые тканями и лоскутками. Вёдра, бочки, ржавые газовые баллоны и старые пыльные стулья, горы коричневого, рассыпающегося мыла. Это вовсе не портрет психического расстройства, именуемого "накопительством" или хордингом, — перед нами рассказ об истории целого поколения, выросшего в эпоху перемен, когда одна из исконных китайских добродетелей: использовать все ресурсы полностью, — приобрела практически первостепенное значение. Впоследствии она превратилась в дополнительную причину для конфликта поколений: более молодые китайцы уже не знали той нужды, кото-

рая побуждала старших не выбрасывать ничего, что может хоть когда-то понадобиться. Экспонат, в том числе, символизировал преодоление этого конфликта, его разрешение» [1;8].

Поскольку в коллекции объектов нет науки, а только практика современного искусства, то и опыт развития научного познания в истории человечества также показывает неравномерность созревания наук: от простых естественных дисциплин до сложных гуманитарных наук о человеке и сложнейших неестественных наук об обществе – в результате можно прийти к выводу о том, что простейшие первоначальные попытки объяснить общество выливались в форму утопического программирования и моделирования идеального его состояния. Несомненно, здесь следует различать постановку вопроса о личности в истории (реальной истории общества) и личность в «истории» как дисциплине, имеющей свое место в каждый раз новой дисциплинарной структуре науки. То же самое относится к представлениям об обществе в самом широком диапазоне – от идеологии и утопии как нормативного моделирования эпохи традиционного общества (от Платона до К. Маркса) до нарратива вокруг симулякров потребительского общества эпохи постмодерна (от Э. Фромма до Ж. Бодрийера). Между тем научный дискурс только еще возникает по мере появления неоиндустриального общества – и каждый раз при проявлении человеческих сущностных сил в новую эпоху человечество создает устойчивый континент науки. Наука, повторим, вызревает неравномерно. Она зреет быстрее в области естественных объектов исследования. Поэтому естественные науки прорастают достаточно быстро: древние греки создали первый континент математики, основанный на наглядном мышлении и отвлечении от чувственной стороны предметов. Физика как второй континент человеческого научного знания была создана в Новое Время и стала наукой буржуазного индустриального общества в тот момент, когда перешла от образа «теплоты» к понятию «температуры» с ее таксонами и измерениями. Третий континент был создан К. Марксом, который подобно Ч. Дарвину сумевшему превратить биологию в науку и найти закономерности в эволюции живой природы, положил конец взглядам на общество как на хаос сталкивающихся сил и волей, и обнаружил объективные закономерности социального развития, вытекающие из материалистического понимания истории. Очередная попытка создания четвертого континента психологии была предпринята З. Фрейдом и оказалась сомнительной и научно-неверифицируемой вследствие того, что не могла быть приложена ко всем человеческим обществам, а потому осталась на грани терапии, экспериментального шаманизма. Выяснилось, личность – не совсем зрелая научная конструкция, нехватка научного культурологического дискурса оставила теорию личности в состоянии незрелой идеологемы. И К. Маркс за неимением времени и стоя перед необходимостью разработки научной концепции социальной революции пролетариата как универсального эмансипатора человечества, был вынужден оставить для будущих исследователей, перспективу разработки социально-психологической теории классов и культурологической теории личности, основы которой он заложил в своих ранних трудах. Эти труды были неизвестны ни В. И. Ленину, ни И. В. Сталину, с ними был незнаком рано умерший А. Грамши и даже погибший в нацистской оккупации Ж. Политцер. В поздних трудах К. Маркс переходит к изучению классов и аппаратов государства, создавая тем самым основы целостного научного понимания социального процесса.

Появление в СССР в результате передачи послевоенными германскими социал-демократами из ГДР (по сути СЕПГ как социалистическая единая партия Германии была коммунистической партией Германской демократической республики) рукописей раннего Маркса совпало по времени с разоблачением культа личности Сталина на XX съезде КПСС. У нас, в СССР работы молодого К. Маркса были изданы в 1956 г. – аккуратно к историческому

съезду десталинизаторов. Как известно, довоенная немецкая социал-демократия надолго спрятала в архивах труды ранних К. Маркса и Ф. Энгельса. Повторим: получилось так, что ни В. И. Ленин, ни И. В. Сталин не были знакомы с творческим наследием раннего К. Маркса. После разгрома фашизма рукописи К. Маркса передали в Институт Марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Перевод занял два года и объемный том «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» был издан к 1956 г. Понятно, что теоретическая проблематика культа личности прямо вытекает из гуманистической тематики раннего марксизма.

3. Марксизм К. Маркса изначально имел две формы. Первая, ранняя - еще ненаучная и антропологическая концепция «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» - построена по модели «ореха» (схема «Гегель в Фейербахе»), и изобилует чуждой зрелому марксизму терминологией из области психологического анализа общественных отношений, вроде «отчуждение», «личность», «человек». После «эпистемологического разрыва 1848 г.» (термин Л. Альтюсера) марксизм стал пользоваться понятиями: «эксплуатация», «индивиды как суппорты социальных отношений», «классовые индивиды». Сама теория «товарного фетишизма» в первом томе «Капитала» стала остатком прежнего ненаучного антропологического крена, экивоком и заигрыванием с гегельянщиной. Второй формой марксизма – зрелого и научного, где отсутствует проблематика личности – стали подготовительные рукописи к «Капиталу» и последующие труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Встать на точку зрения признания марксизмом трудов раннего К. Маркса – значит стать последователем Р. Гароди, отвергнутого за ревизионизм Французской коммунистической партией еще в 1966 г. при секретарстве Ж. Дюкло. Сегодня Р. Гароди завершает свою творческую духовную эволюцию в облики модернизированного мусульманина. Перестройка СССР и перестройка в СССР начиналась с крена в рассуждения об общечеловеческих ценностях, личности, ее новом мышлении и о правах человека, использованных западными спецслужбами и манипулируемыми ими диссидентскими группами.

Мысль о том, что классовая борьба рабочих приведет к свержению господства буржуазии и власть возьмет в руки пролетариат, потрясает мир до сих пор, а процесс формирования пролетариата в класс и завоевания им политической власти может стать смыслом жизни передовой интеллигенции. Западные – историцистская впоследствии еврокоммунистическая (А. Грамши) и структуралистская (группа Л. Альтюсера) – версии марксизма в XX в. настаивали на том, что диктатура осуществляется через гегемонию класса, через идеологические аппараты государства. Сталинизм подорвал саму веру в марксистский проект. Вспомним, что замена диктатуры пролетариата диктатурой номенклатуры, разоблачение культа личности и его последствий XX съездом КПСС поставили левых интеллектуалов Запада, особенно в Италии и Франции, в трудное положение: трудно было противостоять тогдашнему гуманистическому экзистенциалистскому «прибою» и иным формам штурма марксизма буржуазной идеологией.

В 60 г., полагает Л. Альтюсер, в марксистской философии назрел «теоретический скандал». Марксистской теории угрожала в первую очередь «буржуазная и мелкобуржуазная картина мира», основанная на проблематике личности. Он подчеркивает, что общая форма этой концепции мира: экономизм (сегодня «технократизм») и его «духовное дополнение» - моральный идеализм (сегодня «гуманизм»).... Экономизм и гуманизм составляют фундаментальную пару буржуазной концепции мира с момента возникновения буржуазии. И далее: современная философская форма этой концепции мира: неопозитивизм и его «духовное дополнение» - феноменологический субъективизм-экзистенциализм. Сам Л. Альтюсер выдвигает требование бегства от сталинизма через развитие науки, к которой «Маркс дал нам клю-

чи», и новой философии, соответствующей требованиям борьбы революционных классов. По мысли Л. Альтюсера, К. Маркс основал «новую науку: науку об истории». Гуманизм, возникающий на острие критики сталинизма, объявляется компонентом буржуазной идеологии, а сама философия осмысления гуманизма и антигуманизма оказывается «борьбой классов в теории». Для Л. Альтюсера, выросшего в борьбе с бесклассовым гуманизмом Р. Гароди, «философская битва № I» разыгрывается на границе между научностью и идеологичностью: философы-идеалисты, эксплуатирующие науки, борются против философов-материалистов, служащих наукам. Однако открытая К. Марксом новая наука об истории меняет всю ситуацию в теоретической области: она позволяет покончить с традиционным господством идеализма. Отсюда огромное внимание к словарю «философской практики», который обозначает «линию демаркации» между ложными и истинными идеями, а, в конечном счете, и между антагонистическими классами. Философия помогает людям различать в теории и в идеях верные положения и ложные. Оружием в политической борьбе служат слова. Л. Альтюсер подчеркивает, что борьба классов может порой резюмироваться в борьбе за или против слова, за термин. Таково слово «гуманизм» и связанный с ним термин «личность». Хотя коммунисты борются за свободное, справедливое общество, нельзя говорить, что марксизм - это гуманизм, ибо на практике термин «гуманизм» используется буржуазной идеологией для противопоставления «жизненно важному для пролетариата понятию: борьба классов».

Другой пример Л. Альтюсера: марксисты должны отказаться от выражения «человек творит историю». Почему? Потому, что оно используется буржуазной идеологией в противовес классическому пролетарскому выражению: «массы творят историю». Философия, следовательно, сражается за понятия, за слова, за их верный смысл и его нюансы, и эта борьба является частью политической борьбы. Так, марксизм ведет бой и в сфере научных понятий («концепция», «теория», «отчуждение», «дискурс»), и в сфере обычных, выражающих их терминов («люди», «массы», «народ», «борьба классов»). Следует отметить, что жесткий классовый подход в понимании марксизма как «теоретического антигуманизма» пришел во Французскую коммунистическую партию на смену преобладающей в ней в первую половину 60 гг. стратегии «открытых объятий» марксистского гуманизма. Выдвинутая бывшим членом ЦК партии Р. Гароди, она критиковала отчуждение и дегуманизацию в деголлевской Франции, стремилась реализовать диалог и единство с гуманистами, экзистенциалистами, социалистами и христианами. Идеи Р. Гароди на практике совпадали с известным тезисом Ж.-П. Сартра: «экзистенциализм - это гуманизм». Тем самым Р. Гароди интегрировал идеи молодого К. Маркса в тогдашнюю ортодоксию ФКП. Тогда же вместе с М. Годелье и Л. Себагом - молодыми антропологами - Л. Альтюсер подготовил структуралистскую интерпретацию трудов К. Маркса. Речь идет о выделении в работах К. Маркса периода (до 1845 г.), содержащего отрыв («купюру») от буржуазной идеологии, и периода созревания (1845-1857 гг.). Такая периодизация предполагала выявление «белых пятен марксизма» - остатков перевернутого гегельянства. Таковыми оказываются модель базиса и надстройки и иные фантомы, идущие от «тени Гегеля». Поэтому открытый К. Марксом в «Капитале» исторический материализм не был концептуализирован как новая наука, не приведен в состояние теоретичности и заражен идеологическими терминами, гегелевским способом изложения, с которыми К. Маркс имел слабость кокетничать. В сущности это мы и показали выше, обнаружив ненаучность и незрелость теории личности как идеологемы. У Л. Альтюсера получается чеканная формула: марксизм как наука и научная философия есть «теоретический антигуманизм». С этой формулировкой нельзя не согласиться.

4. История XX века показывает, что в условиях десталинизации, когда проблемы морали и политики выходят на первый план, в общественном сознании начинает господствовать идеология молодого К. Маркса. Она может временно заменять теорию, отвергая догматизм сталинизма. Однако XX съезд КПСС в докладе Н. С. Хрущева, псевдомарксистски объяснив нарушения социалистической законности и отнеся культ личности к надстройке, внедрил само «сердце буржуазной идеологии» (гуманизм) в рабочее движение и в обновление социализма, что заставило творческих марксистов прибегнуть к испытанному оружию марксизма - философии. Сталинские преступления - это не отклонения и деформации социализма, но продукт продолжающейся классовой борьбы и неизбежность хода истории. Необходимо преобразование практики масс в философские тезисы. Центральная задача здесь - критика гуманизма, ликвидация кантовского наследия путем устранения понятия субъекта. Именно поэтому вслед за удалением ревизионистской модели гуманизма из марксистской теории должно последовать ее выбрасывание из практики.

Гуманистический перелом в общественных науках привел к появлению марксистов, исходивших в своих построениях из тезиса о тождестве личности и общественных отношений. Такая радикальная социологизация образа человека призывала к изучению потребностей человека и провозглашала вслед за ранними «Рукописями» грядущее торжество наиболее полного удовлетворения растущих потребностей советского народа и всесторонне развитой личности. Вся хрущевско-горбачевская сугубо материалистическая перестройка исходила из необходимости демократизации для построения «социализма с человеческим лицом» и потому была целиком навеяна работами раннего К. Маркса с его идеологией человека и воспеванием потребностей как скрытой и интимной формы существования общественных отношений в структуре личности. По отношению к образу социализма позднего Маркса-Ленина-Сталина такая перестройка объективно была ревизионизмом, а ее деятелями - ренегатами. Их ренегатство проявилось в полной мере в свертывании перестройки, разрушении реального социализма и приватизационном расхищении общенародной собственности сформировавшимися потребностями правящих материалистов – выходцев из партийного и комсомольского аппарата. В этом наглядно проявился вред гуманистического тумана философии раннего К. Маркса, узурпированного коммунистическими бонзами и протезированными ими приватизаторами.

Спор о подлинном К. Марксе сегодня проходит на фоне признания общего значения учения К. Маркса его противниками. Так, К. Р. Поппер показывает, что наука после К. Маркса никогда не будет походить на домарксистскую науку. Р. Арон, полагая, что К. Маркс загадочен и стал известен миру только после своей смерти, считал, что происходит периодическое разложение не марксизма, но марксианства, которое рассматривает учение К. Маркса как «Библию рабочего класса». Сам К. Маркс никоим образом не рассматривал себя как оракула, поскольку теоретически изучал капиталистическое общество и высказывал ряд осторожных предположений о зрелом коммунистическом состоянии. Наконец, критика учения К. Маркса должна быть не огульной, но поставленной в контекст тех или иных высказываний. Так, тезис о том, что «у пролетариев нет Отечества» соответствовал тому периоду европейской истории, когда у рабочих не было избирательного права, а избирали только собственники, в этих условиях у пролетариев, действительно, не было Отечества. Именно ранний К. Маркс был объявлен подлинным в короткое время хрущевской оттепели и горбачевской «катастрофы» (термин А. А. Зиновьева). В результате в СССР во второй половине XX в. восторжествовал ранний К. Маркс, которого официально по аналогии с лукачевским образом «молодого Гегеля» стали называть «молодым Марксом». Именно идеи молодого К. Маркса опре-

делили вектор перестройки (вдохновили массы на демократическое дымовое прикрытие бюрократической революции аппарата) и привели в конце XX в. к формированию вождистской системы ельцинизма - сталинизма, но без И. В. Сталина.

5. Очевидно, что XXI в. в России будет не мондиалистским эксплуататорским, ни национально-патриотическим, ни государственно-социалистическим, но гуманистическим - социалистическим и общинным, т.е. евразийским по идеологии и принципам человеческих отношений. Новая концепция человека ныне только рождается после многих фальстартов, и ранний К. Маркс будет господствовать в русском XXI в. в виде гуманистически-общинной идеологии русского социализма и социальной справедливости. Только вряд ли это будет какой-то новый социализм, рожденный из антимондиалистского хаоса: социализм будущего абсолютно традиционен, сугубо научен и интернационален. Похоже, после короткого «оверштага» история вновь собирается развиваться по К. Марксу, то есть двигаться в направлении коммунистической организации общества путем преодоления частной собственности! Переходной формой марксизма и нового представления о социализме в период борьбы за восстановление национальной независимости становится «еврамарксизм» (термин наш – С.Н., одобренный А. Г. Дугиным, а прежде и участниками Международного конгресса марксистов в Институте Философии РАН в 2002 г.). Евракоммунизм и еврамарксизм – евразийский марксизм, основанный на примате евразийской геополитики. Геополитика здесь органично сочленяется со структурным концептуализмом позднего К. Маркса. Уже сегодня на повестку дня в условиях краха террористической глобализации ставится «синтетический коммунизм» как повторение на новом витке античного способа производства. В глобальной доминации капитала поднимаются силы, готовящиеся к третьей исторической попытке построения социализма. В этой попытке пересмотр принятого употребления гуманистической терминологии предполагает синтетический подход к исследованию личности как исторического феномена и идеологического конструкта.

Учитывая принципиальный курс французского структурализма (М. Фуко), постструктурализма и постмодернистского деконструкционизма на обоснование «стирания человека», исчезновения идеологемы человека с классической эпистемы как научной карты мира и замену идеологического ненаучного образа человека на образ «бытия языка», можно прийти к выводу о том, что - как только мы слышим слова «личность», «права человека», «человеческий фактор», «качество жизни», «достойная заработная плата», «оплата труда» - с нами говорит человеческим языком лукавая буржуазная идеология, которая выдает своекорыстные интересы своего класса за интересы нации, народа, общества. Эта идеология не сообщает нам, что заработная плата - это выраженная в денежной форме стоимость рабочей силы. Последняя имеет разный размер в зависимости от климатических условий, исторических предпосылок и накала классовой борьбы. Вспомним лозунг торжествующих ельцинистов, вывешенный к 7 ноября 1992 г. на Площади 1905 г. в Екатеринбурге: «Пролетарии всех стран, больше не пролетайте!» Добавим к этому лозунгу призыв Мао Цзедуна, который, как известно, по постановлению ЦК КПК, был все же «прав на 80%» - «никогда не забывать о классовой борьбе». И если столкновение цивилизаций в межкультурных коммуникациях признано культурологическим сообществом и стало хорошим тоном проводить научные конференции по указанной проблематике, то нельзя забывать о классовой борьбе при исследовании динамики личности в культуре, в обнаружении столкновения цивилизационных ценностей во внутрикультурной коммуникации. В последней и реализует прежде всего себя личность в ее брэнном телесном пути социальной жизни и в посмертном существовании в артефактах и в

духовном наследии народов и поколений. Пример великих ученых и мыслителей прошлого – тому прямое свидетельство.

6. Западная наука (в том числе наука о культуре) нашего времени как специфическая гуманитарная технология постиндустриального общества не пригодна для понимания и жизни в становящихся и живых евразийских социумах. В этих социумах на первый план выходят нетехнологические системы воспитания личности - научные и образовательные, реализуемые в сфере просвещения и в культурном поле православия.

Западная наука об обществе с её методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой шизофренический тип общества (Ж. Делез), в котором чётко обособлены экономическая (рынок), социальная (гражданское общество) и политическая (политика, государство) сферы. Это, несомненно, индустриальное общество «второй волны» (А. Тоффлер), в котором власть отделена от собственности, религия - от политики. Возникает вопрос: как можно с помощью такой науки - слепка с классического буржуазного общества, - с её дисциплинами, методами и понятиями изучать небуржуазные, некапиталистические (докапиталистические, антикапиталистические, социалистические) социумы? Речь идет в первую очередь о евразийских социумах, где власть не отделилась от собственности, где есть некая целостность. В таких обществах в XX веке развивались собственные науки, и они довольно успешно обеспечивали динамику и конкурентоспособность этих обществ. Так, в Советском Союзе развивались блестяще оправдавшие себя идеологические конструкции - диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм, в Третьем рейхе развивались учения Горбингера и продукция Анненербе, а в начале XXI века в Северной Корее торжествует неконъюмеристская идеология чучхе, в КНР - технологии маоизма, в Венесуэле - идеи просвещенного боливаризма и боливарианской революции. Все эти технологии носят мессианский характер и имеют глубокое научное укоренение. Поскольку западная социальная наука нашего времени как специфическая гуманитарная технология постиндустриального общества не пригодна для понимания и жизни в живых евразийских социумах, в которых рынок интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, эта наука не понимает, почему развитие рынка и производства не требует выделения из структур производства и обмена и превращения в капитализм. Между тем официальная наука только из вежливости не использует термин капитализм, но, говоря о рыночной экономике, все же подразумевает капитализм западного типа. Наконец, есть традиционные социумы в Африке и Азии, где религия и политика неразделимы. В этих условиях применение понятий и даже дисциплин, которые суть рациональные рефлексии по поводу буржуазного общества к обществам небуржуазным искажает реальность последних, превращает её в негативный слепок западного общества, записывает их в разряд туземных варварских обществ, пополняющий список держав «оси зла». В научном плане это ведёт к ложным схемам, а с точки зрения практики может привести и приводит к катастрофическим последствиям. Личность в таких обществах начинает пониматься как страдающая, репрессированная, имеющая на все право и прежде всего право на утонченные телесные наслаждения. Не с этим ли связан внезапный рост числа нетрадиционных маньяков, убивающих своих горячо любимых близких людей?

Аналогичным образом обстояло дело с наложением дисциплинарной и понятийной (идеология, мифология, класс, бюрократия) сеток западной науки на советское общество. В результате уже в 1970 гг. прошлого столетия в ходе утраты культурного суверенитета мы получили ряд странных бесперспективных и неспособных к реальному развитию наукутантов: «политэкономия социализма», «социология советского общества», «политология

советской элиты». С той стороны «железного занавеса» нас изучали не при помощи этих наук, и не в терминах западной академической социологии, но при помощи практических гуманитарных технологий советологии, кремленологии, руморологии. Генералы-победители в войне 1945-1991 гг. как отмечалось на торжественном заседании Конгресса США в 1992 г., были женщины-социологи, советологи и именно они были вскоре заслуженно награждены государственными постами и медалями за победу в этой войне.

7. Сегодня мы имеем несколько мир-систем на планете - все они обладают собственными гуманитарными технологиями и требуют для понимания в системе русского евразийского сознания обучению переходным программам-трансформерам. В противном случае - в случае непонимания специфики систем можно утратить собственную евразийскую систему ценностей, запустить в нее чужие программные коды под видом новых гуманитарных технологий. В середине 1980 гг. западные политологи говорили о нескольких чертах, характеризующих «современное демократическое общество» и отмечали, что СССР для перехода в состояние «открытого общества» лишь не хватает двух – трёх социальных характеристик. М. С. Горбачёв по совету продажных и бездарных помощников попытался добавить в наш социум эти две – три «лично ориентированные характеристики»: «права человека», «демократия», «рыночные реформы». Эти характеристики наложились на закон о кооперации, разрушение системы управления предприятиями, отмену монополии внешней торговли. И результат налицо: гуманитарные технологии были внедрены, превратились в политические, информационные и финансово-экономические и сделали своё дело. Идеи, концепции которых были предварительно внедрены в сознание верхушки - это и есть использование гуманитарной технологии для ослабления и уничтожения противника в борьбе за власть, информацию и ресурсы. Не случайно новый класс, приходящий к власти, всегда создает свою общественную науку как критику предшествовавшей.

Сегодня в мире упадка классического проекта Модерна эпохи Просвещения возникли несколько радикально друг от друга отличающихся социумов - реализованный проект Постмодерна (Запад), реализующийся в арабском мире в духе ориентализма и погружения в регресс западными державами проект Контрмодерна, успешно осуществляющийся региональный Модерн на Дальнем Востоке и Китае. В этом мире столкновения глобальных проектов у России с ее евразийскими союзниками по БРИК и ШОС остается одна возможность - вписаться в один из проектов. Или нам следует реализовать собственный русский Сверхмодерн, подобный рывку совершенному Советской Россией в 30 гг. прошлого столетия. Такой прорыв возможен только на базе адекватного понимания собственного социума и разработки своих гуманитарных технологий.

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, нам нужна наука, методологически и понятийно адекватная нашему социуму и нашему типу личности, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных или восточных традиционалистских схем. Аналогичным образом нужны «свои» обществоведения, а точнее - социальные системологии для каждой крупной исторической системы. Последних на всю историю человечества и наши дни не так уж много – шесть-семь, в зависимости от угла зрения. Для каждой системы должен быть свой понятийный аппарат, свой набор дисциплин, свой язык. Так, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма - науки о Западе. Известно, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал ориентализм - науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. Именно поэтому книги А. А. Зиновьева о

Западе как неангажированный взгляд извне чрезвычайно востребованы на самом Западе, несмотря на все их шокирующие названия - «Глобальный человек», «Западнизм». Кстати, личность западного человека он называет достаточно смело - «западоид».

Итак, всем нам нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах, а также научная переходная культурологическая евразийская интегральная гуманитарная дисциплина, делающая универсальными эти науки. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад и как это в свое время сделал К. Маркс в «Капитале» - этой «критике политической экономии» - и использовать её в качестве оружия в борьбе с альтернативными гуманитарными технологиями. Такое оружие нам и политической элите понадобилось уже в 2012-2013 гг. при сохранении стабильности и устойчивости страны, когда возникла необходимость обретения полноты политического, военного, дипломатического, экономического, культурного суверенитетов России. Гуманитарные технологии станут главными в битвах XXI века за посткапиталистическое будущее. В противном случае нас ждет постчеловеческое общество с истреблением сотен миллионов человек возникающим Четвертым Рейхом – Четвертым Римом. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с его универалистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями уже породившими проект архаичного фашизма - вместе с эпохой Просвещения исчезает Модерн, капитализм, сам Библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет. Этот проект может быть заменен культурологическим дискурсом личности в цветах цивилизационных ценностей и внутрикультурных коммуникаций.